

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

УДК 32.019.5:316.35(045)

Элита vs «средний класс»: определяющий конфликт глобальной нестабильности первой четверти XXI века

А.Б. Шатилов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема борьбы за влияние между элитой и средним классом в современных государствах. Исследование охватывает период со второй половины XX в. до настоящего времени, выделяя два ключевых этапа противостояния. В первой половине анализируемого периода элита и средний класс выступали союзниками в борьбе против персонального доминирования политических лидеров. Однако после нейтрализации «диктаторского» потенциала института лидерства в 2000-е гг. элита развернула активную кампанию против среднего класса, который к тому времени накопил значительный социальный, материальный и интеллектуальный капитал и стал представлять угрозу для властных позиций истеблишмента. Автор анализирует меры, предпринятые элитой для снижения авторитета среднего класса в обществах «цивилизованных» стран и установления полного контроля над формированием повестки развития человечества. В заключении отмечается, что, несмотря на продолжающееся противостояние, элита сохраняет существенное преимущество как над политическими лидерами, так и над народным большинством, ядро которого составляет средний класс.

Ключевые слова: элита; средний класс; государство; общество; политика; управление; «цивилизованные» страны; власть; социальная иерархия; социальный контроль

Для цитирования: Шатилов А.Б. Элита vs «средний класс»: определяющий конфликт глобальной нестабильности первой четверти XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

ORIGINAL PAPER

Elite vs “Middle Class”: The Defining Conflict of Global Instability in the First Quarter of the 21st Century

A.B. Shatilov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article considers the problem of the struggle for influence between the elite and the middle class in modern states. The study covers the period from the second half of the 20th century to the present time, highlighting two key stages of the confrontation. In the first half of the analyzed period, the elite and the middle class acted as allies in the struggle against the personal dominance of political leaders. However, after neutralizing the “dictatorial” potential of the leadership institute in the 2000s, the elite launched an active campaign against the middle class, which by that time had accumulated significant social, material and intellectual capital and began to pose a threat to the establishment’s positions of power. The author analyzes the measures taken by the elite to reduce the authority of the middle class in societies of “civilized” countries and establish full control over shaping the agenda of human development. In conclusion, it is noted that despite the ongoing confrontation, the elite retains a significant advantage over both political leaders and the popular majority, the core of which is the middle class.

Keywords: elite; middle class; state; society; politics; management; “civilized” countries; power; social hierarchy; social control

For citation: Shatilov A.B. Elite vs “middle class”: The defining conflict of global instability in the first quarter of the 21st century. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

ВВЕДЕНИЕ

Формирование пространства «большой политики» на рубеже XIX–XX вв., связанное с включением в «цивилизованных странах» широких масс в процессы власти и управления, неизбежно повлекло за собой конкуренцию трех мегаакторов — лидеров, элит, народа. При этом лидеры стремились к построению «вертикальных» режимов харизматичной личной власти с опорой на охлос, элиты были ориентированы на выстраивание многоуровневой системы власти, где они выступали бы, с одной стороны, фильтром решений, спускаемых «сверху», а с другой — буфером между лидером и народом. Сами же народные массы были весьма неустойчивыми и подвижными в своих политических, идеологических и социально-экономических пристрастиях, долгое время позволяя как лидерам, так и элитам манипулировать ими в своей конкурентной большой политической борьбе.

Ситуация существенно изменилась во второй половине XX в. Во-первых, в этот период происходит «перелом» в борьбе лидеров и элит в пользу последних. Поражение в ходе Второй мировой войны харизматических праворадикальных режимов (которые в межвоенный период едва ли не доминировали в Европе) привело к тому, что как в теоретическом, так и практическом отношении были дискредитированы идеи сильной личной власти, «вертикальных» политических режимов, авторитарного «вождизма» и т.д.

Соответственно, апеллируя к ужасам фашизма и нацизма, элиты даже так называемых демократических стран начали кампанию по ограничению персональной власти своих лидеров за счет различного рода «сдержек и противовесов», одновременно укрепляя свои позиции в политике, идеологии, бизнесе, образовании, средствах массовой информации, но прежде всего в государственном аппарате.

Первый этап такого курса по ограничению властных полномочий и влияния лидеров был связан с созданием вокруг них относительно самостоятельной бюрократической среды (советники и помощники, «мозговые центры», консультанты и аналитики и др.), которая за счет использования «мягких» механизмов могла бы «корректировать» и «оптимизировать» решения, принимаемые единолично лидерами государств. В 1950–1980 гг. эта тенденция отмечалась повсеместно.

Второй этап борьбы элит с влиянием лидеров приходится на 1990-е — начало 2000-х гг. Он свя-

зан с переходом к концепции «долевого управления», предполагающей выстраивание власти по типу акционерного общества, где лидер не обладает «контрольным пакетом» (максимум «блокирующим»), а является де-факто «первым среди равных» по отношению к остальным «акционерам».

Наконец, третий этап борьбы элит с лидерами (начинается примерно с 2005–2007 гг.) предполагал уже дискредитацию и выхолащивание самого принципа лидерства и персонального руководства, «карикатуризацию» политиков-харизматиков, выдвижение на лидерские позиции несерьезных, а то и неадекватных персон. В итоге к концу первой четверти XXI столетия элитам в целом удалось нейтрализовать активность и влияние государственных и политических лидеров и захватить стратегическую инициативу.

УСПЕХ ЭЛИТ В БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ

Во многом успех элит в борьбе с политическими лидерами был обусловлен тем, что им, опять же после Второй мировой войны, удалось «разорвать» прямой контакт между «вождями» и «массами». Произошло это по объективным и субъективным причинам.

Во-первых, вследствие поражения право-харизматических режимов во многих странах наблюдалось разочарование в самом феномене сакрального лидерства и вождизма. Чем больше господствовал в них «фюрер-принцип», тем более серьезным оказалось падение авторитета единой власти (особенно это касалось послевоенной Германии и Италии).

Во-вторых, после Второй мировой войны (и практически тут же начавшейся холодной войны) мир вступил в тотальную конкурентную гонку между сложившимися идеологическими и геополитическими полюсами — системой западной демократии и рыночной экономики, с одной стороны, и системой социалистической с доминированием плановой экономики — с другой. Масштабность данной борьбы, да еще в условиях утверждения четвертого (менеджерского) управленческого уклада, вызвала необходимость выстраивания более сложной и многосоставной системы руководства обществом, где уже практически не было места прямой коммуникации лидера и народа. Именно с этого времени элита утверждается в качестве постоянного «буфера» между главой государства и широкими слоями населения.

В-третьих, во второй половине XX в. меняются мировоззренческие пристрастия обществ развитых стран — идеологический пафос (идеократия) начинает все больше уступать место потребительским настроениям, желанию обустроить свой внутренний быт, стремлению жить в свое удовольствие без аскетизма, подвига и напряжения сил, пусть даже во имя замечательной и светлой идеи.

Такого рода «потребительские» тенденции после смерти И. В. Сталина были сформулированы даже в новой «хрущевской» Программе КПСС 1961 г. В частности, в ней говорилось о том, что «цель социализма — все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства»¹. Поэтому «большие планы» лидеров вызвали в обществе все меньший энтузиазм, а рациональная позиция элит воспринималась как более адекватная современным реалиям.

Более того, такая трансформация общественных настроений совпала с ростом материального благосостояния в развитых странах мира (в том числе и в странах «народной демократии»), с преодолением нищеты и постепенным перерождением «передового рабочего класса» в «рабочих буржуа» [1].

При этом элиты в своей «антивождистской» кампании получили полную поддержку со стороны зарождавшегося «среднего класса» — зажиточной части гражданского общества, ориентированной не столько на масштабные государственные свершения, сколько на обеспечение собственного достатка и безмятежного существования. К такому можно было отнести следующие страты — мелких и средних предпринимателей (городских и сельских), «рабочую аристократию», интеллигенцию.

Именно эти слои, ориентированные на политическую умеренность (в диапазоне «умеренный консерватизм» — «умеренный либерализм») и социальный конформизм, становятся главной опорой для правящих режимов в развитых странах Запада в 1950–1980 гг. Тогда между элитой и «средним классом» де-факто был заключен общественный контракт — элита обеспечивает своему союзнику режим наибольшего благоприятствования в социальной сфере, тот взамен поддерживает ее как в борьбе с внутренними «ав-

торитарными» тенденциями, так и в противостоянии с «эгалитаристским» коммунизмом на внешнем контуре.

Более того, элита всячески подчеркивала критическую важность «среднего класса» для современного государства, его «демократичность» и «прогрессивность», утверждала, что именно он является своего рода каркасом гражданского общества. Эти постулаты содержатся даже в так называемом «Оксфордском» Либеральном манифесте 1997 г., где указывается следующее: «Мы рассматриваем гражданское общество как состоящее из свободных граждан, живущих в рамках установленного закона, с гарантированными индивидуальными правами, с ограниченными полномочиями правительства и подлежащими демократической подотчетности»².

КОНФЛИКТ ЭЛИТ И СРЕДНЕГО КЛАССА

Однако, нейтрализовав сопротивление лидеров и ликвидировав в ходе холодной войны «коммунистический» СССР, элиты перестали нуждаться в союзниках. Более того, средний класс стал восприниматься ими как чуждый и даже опасный конкурент в новых политических и экономических реалиях. В чем заключалась его враждебность элите?

Во-первых, однородный и консолидированный средний класс являлся трудноуправляемым с политической точки зрения, имел собственную позицию по целому ряду принципиальных вопросов, отличную от позиции элиты, был в значительной мере эгоистичен и являлся авторитетом и «авангардом» для «простых» граждан. Причем в силу высокой степени корпоративной солидарности сломить его сопротивление у элиты не всегда получалось.

Во-вторых, в отличие от либеральной, а затем леволиберальной элиты, ставшей «законодательницей» идеологических мод в 1990-е гг., средний класс был слишком консервативным и традиционалистским и не поддерживал идеи широкой либерализации, толерантности и глобализации. Средний класс, как и раньше, продолжал опираться на такие ценности, как патриотизм, семья, религия, собственность, а моделируемые и спускаемые «сверху» ультрапрогрессивные идеи вроде трансгуманизма, цифровизации, толерантности и пр. им по большей части отвергались.

¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. Москва; 1961. С. 15.

² Оксфордский манифест 1997 года: Либеральная повестка дня на 21-й век. URL: <https://telegra.ph/Oksfordskij-manifest-1997-goda-Liberalnaya-povestka-dnya-na-21-j-vek-01-21?ysclid=mcagaf1n5k231818773>

В-третьих, средний класс, ощутивший свою значимость в 1950–1980 гг., имел серьезные амбиции и весьма высокую самооценку. Соответственно, он не желал подчиняться диктату элиты и нередко противостоял ей, используя демократические (прежде всего электоральные) возможности современного общества. Также к началу 2000-х гг. средний класс существенно укрепил свое материальное положение, по некоторым параметрам приблизившись к элитным «показателям». В частности, это касается приобретения предметов роскоши, качества отдыха и досуга, творчества, образования и самореализации. Так, например, если в 1990-е гг. во многих развитых странах мира «элитным» критерием считался отдых на Канарских островах, то к началу 2000-х гг. такой отдых стал доступен даже нижней части среднего класса.

В-четвертых, представители среднего класса в своем большинстве являлись людьми образованными и профессиональными, которые в силу этого обстоятельства гораздо менее были восприимчивы к манипуляциям, чем «широкие народные массы». То есть они почти не поддавались агитационно-пропагандистской обработке «сверху». Более того, используя демократические электоральные механизмы, средний класс далеко не всегда поддерживал начинания элит, а зачастую противодействовал им.

КОНФЛИКТ ЭЛИТ С ТРАДИЦИОННЫМ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Все вышесказанное противоречило как мессианскому настрою элиты, которая считала себя «солью земли» и «путеводной звездой» для общества, так и леволиберальным (неолибертарианским) мировоззренческо-этическим приоритетам истеблишмента. Поэтому уже в начале 2000-х гг. элиты не только «добивают» лидеров, но и начинают войну против традиционного гражданского общества, становящегося препятствием на пути их реформаторских планов.

При этом был задействован широкий арсенал политических, социальных, правовых, информационных и силовых средств. Прежде всего, элитам требовалось «размыть», а потом перестроить наиболее консервативные общественные институты — национальное государство и семью. Причем изначально мотивировка этих реформ была вроде бы безобидной и даже позитивной.

Так, например, европейские национальные государства с относительно однородным, а то и моноэтническим населением, элиты попытались

«разбавить» за счет стимуляции миграционных потоков. Данная стимуляция проходила либо под «морально-нравственным» предлогом (гуманитарная поддержка стран «третьего мира», компенсация бывшим колониям тягот и лишений времен колониальной зависимости, помощь беженцам из «горячих точек» и пр.), либо под предлогом вполне рациональным — гражданам обосновывалась экономическая потребность в новых «рабочих руках», особенно в тех профессиональных средах, которые были непопулярны у коренных жителей.

Последние все меньше стремились носить «синие воротнички», а все больше — «белые», а то и «золотые». Таким образом, шло активное привлечение в ведущие европейские страны (особенно Францию, Германию, Великобританию) мигрантов из Африки и Азии, которые постепенно замещали аборигенов на «трудовых» позициях (промышленность, сельское хозяйство, сфера торговли и услуг).

Кстати, такое развитие событий противоречило самому духу классического капитализма и его этике, сформулированной М. Вебером. Там стремление к «труду» и «наживе» является обязательным и универсальным требованием для каждого «западного человека». Как отмечает современный исследователь В. В. Чешев: «Стремление к получению прибыли является доминирующим в мотивации предпринимательской деятельности при капитализме, но здесь оно оформлено особым образом уже не как индивидуальная устремленность на «наживу», но как принцип, вне которого хозяйственная деятельность становится невозможной» [2]. Соответственно, резко сокращая присутствие в «трудовых» профессиях, коренные европейцы не только «сдавали» их «пришлым», но к тому же фактически шли по пути наименьшего сопротивления, теряя трудовую «хватку».

Дальше миграционная политика руководства (то есть элит) европейских стран стала вовсе противоречить интересам местных гражданских обществ и наиболее активной его части — «среднему классу». Под предлогом политики «толерантности» и защиты прав и свобод человека миграции был придан обвальский характер. Это нашло выражение и в массовой раздаче гражданства приезжим и членам их семей, и в широком предоставлении мигрантам и «новым гражданам» различного рода социальных льгот и бонусов, и в активном включении диаспор в общественно-политическую жизнь.

При этом коренному населению в основном доставались лишь издержки такой сомнительной миграционной политики — рост преступности, создание этнических анклавов, бытовые национальные и расовые конфликты. Более того, постепенно освоившись, «новые европейцы» начали теснить «коренных» жителей уже на «привилегированных» позициях, которые традиционно занимали лишь «местные» — политика, СМИ, искусство и культура, образование, спорт.

А элиты, заинтересованные в «разжижении» традиционного гражданского общества, не только не помогали коренным гражданам отражать такой натиск, но, напротив, подыгрывали «пришлым» за счет принудительного и жесткого продвижения «сверху» принципов «толерантности» и «политкорректности».

КОНФЛИКТ ЭЛИТ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Второй мишенью элит стала традиционная семья, издавна являвшаяся едва ли не главной опорой европейской стабильности и порядка. Здесь также «слом» традиции происходил постепенно. Сперва была запущена кампания по «феминизации» европейской жизни, что, с одной стороны, привело к перераспределению ролевых функций в семьях, а с другой — к росту конфликтности и разводов. Следующим этапом разрушения семейных устоев стало прямое вмешательство государства (которым де-факто руководили элиты) в дела семьи через институт ювенальной юстиции, которая фактически ограничила влияние родителей на своих детей, поставила под сомнение передачу поколенческого опыта от старших к младшим, минимизировала возможность «независимого» семейного воспитания и образования. Одновременно в общественной практике целенаправленно продвигались иные «антисемейные» и «антитрадиционные» инициативы вроде ЛГБТ³, чайлдфри, моды на смену пола и иные варианты «толерантности».

Одновременно с институтом семьи «сверху» (особенно в Европе) предпринимаются попытки нейтрализовать иные общественные «скрепы», такие как религия, нация, патриотизм. Все эти институты считаются «альтернативными» современному леволиберальному (неолибертарианско-му) государству, где элиты доминируют и опреде-

ляют «правила игры». Более того, во всех странах мира Церковь играла роль «морального арбитра» и «социального модератора», при этом в силу гораздо большей религиозности «масс», по сравнению с элитами, имела на «народ» существенное влияние. Такая «альтернативность» религиозных институтов оказалась явно не по нутру в целом «светским» элитам, поэтому в 2000-е гг. в США и ЕС разворачивается кампания, направленная не просто на продвижение принципов секуляризма и светскости в современном обществе, но и на дискредитацию основных религиозных конфессий (прежде всего христианских). Достигалось это и через муссирование в прессе различного рода скандалов, связанных с отдельными священнослужителями, и через «протаскивание» в богословскую теорию и обрядовую практику принципов «политкорректности», которые идут вразрез с основами христианского вероучения, и через категорическое «атеистическое» и «толерантное» воспитание поколения «зуммеров».

Следующим направлением давления элит на «средний класс» в 2000-е гг. стала игра на понижение статуса и жизненного уровня последнего. Во-первых, предпринимаются попытки «размыть» само понятие «среднего класса», разделить его внутри себя на различные сегменты (например, за счет создания так называемого прекариата [3]). Во-вторых, наблюдается стремление элит поставить средний класс на место с точки зрения материальных возможностей. Череда экономических кризисов, конфликтов, революций и войн периода 2000–2025 гг. ударила, прежде всего, по населению, в большинстве случаев резко понизив его жизненный уровень (например, это касается населения Евросоюза, которое существенно пострадало в плане материального благополучия в ходе «субъективных» действий своих элит — от введения против России самоубийственных санкций до резкого повышения военных расходов). При этом сами элиты от таких инициатив практически не пострадали. Так, например, глобальный экономический кризис 2008–2010 гг., который «в теории» должен был привести к массовым банкротствам и разорению многих субъектов крупного бизнеса, так и не закончился финансовой катастрофой. Государственно-политическая элита вопреки жестким законам капитализма («проигравший платит») оказала масштабную чрезвычайную финансово-экономическую поддержку «просевшим» предпринимателям и фактически покрыла их убытки. В итоге «в минусе» оказались

³ Движение, признанное экстремистской организацией, внесено в перечень террористических и экстремистских организаций, чья деятельность запрещена на территории РФ.

только «непривилегированные» граждане, сильно потерявшие в материальном плане по сравнению с «тучными нулевыми»⁴.

Пандемия COVID-19 дала элитам новые рычаги для ограничения возможностей среднего класса. Невзирая на эпидемиологическую ситуацию (которая «сверху» была объявлена катастрофической), представители высшего класса практически не отказывали себе ни в общении, ни в развлечениях, ни в свободе передвижения. В то же время для «низов» были введены жесткий режим «самоизоляции» и «масочная система». Такой разительный социальный контраст еще более подчеркивал разрыв в свободе и возможностях между элитой и остальной частью населения (даже высшим средним классом) [4]. Одновременно пандемия нанесла населению существенный материальный урон, что позволило ряду экспертов даже сделать вывод о том, что COVID убил средний класс⁵.

МЕХАНИЗМЫ ЭЛИТАРНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые элементы управления и контроля. Существенными сдерживающими факторами для элиты первой четверти XXI в. являлись демократические принципы организации политической системы. И хотя в целом ей удавалось за счет различного рода технологий и преимуществ в ресурсах решать проблему количественного доминирования охлоса, тем не менее периодически она встречала сопротивление «снизу» (голосование за популистских кандидатов, поддержка несистемных политических партий и организаций, провал на референдуме выносимых сверху вопросов и др.). В такой девиантной ситуации элитам приходилось идти на чрезвычайные и даже нелегитимные меры (отмена результатов голосования через суд, проведение третьего тура выборов, фальсификация итогов и пр.) [5].

Поэтому в 2000-е гг. в экспертных кругах, близких к элитам разных стран, шло обсуждение, как нейтрализовать деструктивное влияние демократических практик. Предлагались разные варианты — от введения цензовой системы до ло-

тократии (определения выборных должностных лиц путем жеребьевки) [6]. Но в конце концов в условиях цифровизации современных обществ остановились на дистанционном электронном голосовании, которое все чаще применяется при голосовании не только на местном и региональном, но и на национальном уровне (США, Германия, Франция, Швейцария, Индия, Бразилия и др.).

Правовая асимметрия и привилегии элиты. Невзирая на принцип равенства всех перед законом, пользуясь своим доминирующим влиянием, элиты де-факто устанавливают для своих оппонентов (средний класс) гораздо более жесткие правовые рамки, чем для представителей своего сообщества. Как показывает мировая практика, за аналогичные виды преступлений непривилегированный правонарушитель чаще всего получает полноценное наказание, в то время как привилегированный — зачастую минимальное. Это связано с главным принципом современного правосудия: не важно, кто прав или виноват, важно, кто более убедительно представит свою позицию в суде.

Обладея средствами и возможностями, представители истеблишмента мобилизуют в свою поддержку наиболее квалифицированные адвокатские кадры. Кроме того, у них есть все шансы рассчитывать на снисхождение судейского корпуса и прокуроров, поскольку те (особенно на высшем уровне своей иерархии) также относятся к высшему классу общества [7]. Помимо этого, представители элиты, по сравнению с простыми смертными, имеют больше возможностей пользоваться иными видами правовых лазеек (домашний арест, УДО, условное наказание, выход на свободу под залог и пр.).

Поэтому нередко высокопоставленные лица, а также члены их семей уходят от ответственности даже в случае совершения тягчайших преступлений. В качестве примера можно привести дело о педофилии британского экс-премьера Эдварда Хита, аналогичные обвинения фигурантам списка Джеффри Эпштейна или безнаказанную демонстрацию представителями элиты антиобщественной и даже экстремистской позиции (например, зигование Илона Маска на инаугурации Дональда Трампа).

Цифровая трансформация и контроль общества. При этом идеалом для современной элиты является проект абсолютной управляемости обществом. С этой целью идет активное продвижение по ее инициативе в современной иннова-

⁴ Смольякова Т. Сильнее всего кризис бьет по доходам среднего класса и малоимущих. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/12/05/zarplata.html?ysclid=mcvpun4iqi413802394>

⁵ Сажнева Е. Пандемия коронавируса уничтожила средний класс. Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/12/21/pandemiya-koronavirusa-unichtozhila-sredniy-klass.html?ysclid=mcvr0bsjwh812776147>

ционной повестке двух масштабных проектов — тотальной цифровизации общественной жизни и так называемого трансгуманизма.

Так, первый проект, при всей его заманчивости и формальном удобстве для граждан, ставит своей конечной целью достичь максимальной прозрачности и управляемости в обществе XXI в., где традиционные права человека (в том числе право на выбор) будут ограничены под благовидным предлогом. Например, полная отмена наличного денежного обращения и переход на цифру чреват не просто снижением процентов по банковским вкладам граждан, но даже их отменой, а возможно, и введением отрицательной процентной ставки за обслуживание счета (такого рода эксперименты уже проводились в Японии и Швейцарии) [8].

То же касается и проблемы введения так называемого социального рейтинга (системы социального кредита) — системы оценки добропорядочности граждан с использованием инструментов массового наблюдения и искусственного интеллекта на предмет соблюдения ими установленных и общепринятых норм (активно тестируется в КНР). С одной стороны, данная система имеет позитивные моменты с точки зрения обеспечения общественной безопасности, с другой стороны — практически любой непривилегированный гражданин (в том числе из среднего класса) фактически попадает под колпак элиты, которая вышеуказанные нормы и определяет [9].

Еще более заманчивой мечтой элит является реализация проекта так называемого трансгуманизма, который предполагает не просто контроль за деятельностью Homo sapiens, но и управление при помощи биологических, информационных, психологических технологий самой системой его воспроизводства, развития и поведения. Такого рода технологии в настоящий момент находятся на уровне активной разработки и пока не достигли этапа масштабной практической реализации, однако они таят в себе почти безграничные воз-

можности для истеблишмента, де-факто нивелируя человеческий фактор в политике и социально-экономической жизни⁶.

ВЫВОДЫ

Таким образом, подводя итоги, необходимо констатировать следующее.

Во-первых, в современном мире, помимо зримой глобальной военно-политической турбулентности, связанной с переходом от «униполярности» к многополярности, стратегической является также борьба за влияние между элитами и средним классом.

Во-вторых, элиты в ходе аппаратной и внутриполитической борьбы во второй половине XX столетия во многих странах мира существенно подорвали позиции политических руководителей, в лучшем случае сохранив за ними определенный «пакет» во властном «акционерном обществе». При этом такая победа элит над лидерами стала возможной во многом в силу альянса с ядром гражданского общества — средним классом.

В-третьих, взяв под контроль лидеров, элиты выступили уже против среднего класса, который в силу своей сплоченности, традиционализма, материальной обеспеченности и высокого уровня образования оказал серьезное противодействие инициированному истеблишментом неолибертарианским реформам. При этом для нейтрализации конкуренции со стороны среднего класса используется целый комплекс технологий.

В-четвертых, борьба между элитами и средним классом еще продолжается, сопровождается тактическими победами и поражениями обеих сторон, однако в целом стратегической инициативой обладает все же топ-класс.

⁶ Thomas A. The science of transhumanism: How technology will lead to a new race of super-intelligent immortal beings (If you can afford it). Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4747174/Transhumanism-lead-immortality-elite.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гилев Я.Ю. Политическое сознание рабочего класса второй половины XX и начала XXI в.: потенциал и особенности. *Вестник Вятского государственного университета. Философские науки*. 2017;12:24–29. URL: <https://www.elibrary.ru/yummfr>
2. Чешев В.В. Макс Вебер о духе капитализма. *Идеи и идеалы*. 2014;1–2(20):50–57. URL: <https://www.elibrary.ru/smfisix>
3. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. Москва; 2014. 328 с.
4. Кошкин Р.П. Проблемы глобализации и постглобальный миропорядок в условиях пандемии коронавируса. *Стратегические приоритеты*. 2020;3–4(27–28):63–79. URL: <https://www.elibrary.ru/qlacab>

5. Аринин А.Н. Правящие элиты стран Запада в условиях выборов и референдумов 2014–2017 гг. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2018;1:181–191. URL: <https://www.rcoit.ru/lib/gvv/authors/65183/?ysclid=mcvr6qy8u6884682870>
6. Рейбрук Д.В. Против выборов. Пер. с англ. Москва: «АД Маргинем Пресс»; 2018. 200 с.
7. Кененова И. Трудно ли элитам применить закон к себе? *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017;1(116):15–36. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-15-36
8. Артеменко Д.А., Бычкова И.И. Отрицательные процентные ставки как один из инструментов денежно-кредитной политики. *Финансы и кредит*. 2020;26(8):1731–1746. URL: https://ecsru.ru/wp-content/uploads/202304_432.pdf. DOI: 10.24891/fc.26.8.1731
9. Амурская М.А., Куликов А.М., Вэнь Ч. Система социального кредита в Китае и ее роль в социально-экономическом развитии страны. *Экономические науки*. 2023;221:432–436. DOI: 10.14451/1.221.432

REFERENCES

1. Gilyov Ya. Yu. Political consciousness of the working class the second half of XX and beginning of XXI century: Potential and features. *Herald of Vyatka State University Is*. 2017;12:24–29. URL: <https://www.elibrary.ru/yummfr> (In Russ.).
2. Cheshev V.V. Max Weber on the sprint of capitalism. *Ideas and Ideals*. 2014;1–2(20):50–57. URL: <https://www.elibrary.ru/smfsix> (In Russ.).
3. Standing G. The Precariat: The new dangerous class. Transl. from Eng. Moscow; 2014. 328 p. (In Russ.).
4. Koshkin R.P. Problems of globalization and the post-global world order in the context of the coronavirus pandemic. *Strategic Priorities*. 2020;3–4(27–28):63–79. URL: <https://www.elibrary.ru/qlacab> (In Russ.).
5. Arinin A.N. Ruling elites of the western countries in the elections and referendums in 2014–2017. *Citizen Elections Authority*. 2018;1:181–191. URL: <https://www.rcoit.ru/lib/gvv/authors/65183/?ysclid=mcvr6qy8u6884682870> (In Russ.).
6. Reybrook D.V. Against elections. Transl. from Eng. Moscow: Ad Marginem; 2018. 200 p. (In Russ.).
7. Kenenova I. Is it difficult for the elites to apply the law to themselves? *Comparative Constitutional Review*. 2017;1(116):15–36. (In Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-15-36
8. Artemenko D.A., Bychkova I.I. Negative interest rates as a monetary policy tool. *Finance and Credit*. 2020;26(8):1731–1746. URL: https://ecsru.ru/wp-content/uploads/202304_432.pdf (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.26.8.1731
9. Amurskaya M.A., Kulikov A.M., Wen H. The social credit system in China and its role in the socio-economic development of the country. *Economic sciences*. 2023;221:432–436. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.221.432

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, доцент, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Director of the Museum of the Financial University, Prof., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>
ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.07.2025; принята к публикации 09.07.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 07.07.2025; accepted for publication 09.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.